

Кооперация и госторги как инструменты советской национальной политики: модель управления Тофаларией в 1920-е гг.

О.В. Кудашкина^{1а}, Е.В. Кудашкина^{2б}

¹ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия

² МБОУ СОШ № 34, ул. Приморская, 47, Братск, Россия

^а olgakudaskina@gmail.com, ^б olgakudaskina@gmail.com

^а <https://orcid.org/0009-0001-9609-1255>, ^б <https://orcid.org/0009-0000-9681-8576>

Статья поступила 25.11.25, принята 01.12.25

Данное историческое исследование посвящено комплексному анализу модели управления, применявшейся советскими государственными органами в 1920-е годы в отношении Тофаларии – уникальной этнической территории компактного проживания малочисленного тофаларского народа. Цель работы заключается в выявлении и характеристике ключевых элементов, механизмов и противоречий этой модели, сформировавшейся на стыке политики модернизации и традиционной колониально-сырьевой практики. В центре внимания исследования находится детальный разбор двух основных инструментов интеграции Тофаларии в общегосударственное пространство: кооперации и деятельности государственных торговых организаций (госторгов). На основе широкого круга источников, включая отчёты кооперативов, статистические сводки и материалы научных экспедиций, анализируется конфликт между бюрократическими, навязанными сверху структурами и органичной, автохтонной кооперацией, доказавшей свою эффективность. Показано, как фискальные интересы государства, реализуемые через хищническую кредитную политику, системный кадровый кризис и несправедливое ценообразование, привели к дестабилизации традиционного уклада, росту долговой зависимости и маргинализации коренного населения. Методологическую основу составляет синтез сравнительно-исторического, ретроспективного и системного подходов, дополненный этнологическим и экономико-историческим анализом. Исследование демонстрирует, что, несмотря на декларируемые цели социально-экономического и культурного подъёма, реальная политика в Тофаларии воспроизвела классическую колониальную модель, превратив регион в сырьевой придаток и заложив основы глубокого системного кризиса тофаларского этноса, последствия которого ощущались на протяжении всего XX века.

Ключевые слова: Национальная политика СССР; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; малые народы СССР; экономическая интеграционная модель; тофалары.

Cooperation and state tenders as instruments of Soviet national policy: the model of governance of Tofalaria in the 1920s

O.V. Kudashkina^{1а}, E.V. Kudashkina^{2б}

¹ Irkutsk State University; 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia

² Secondary School № 34; 47, Primorskaya St., Bratsk, Russia

^а olgakudaskina@gmail.com, ^б olgakudaskina@gmail.com

^а <https://orcid.org/0009-0001-9609-1255>, ^б <https://orcid.org/0009-0000-9681-8576>

Received 25.11.25, accepted 01.12.25

The historical study is devoted to a comprehensive analysis of the administrative model employed by Soviet state authorities in the 1920s in relation to Tofalaria – a unique ethnic territory densely inhabited by the small indigenous Tofalar peoples. The purpose of the research is to identify and characterise the key elements, mechanisms, and contradictions of this model, which emerged at the intersection of modernisation policies and traditional colonial-resource practices. The study focuses on a detailed examination of two primary instruments used to integrate Tofalaria into the unified state space: cooperatives and the activities of state trading organisations (state tenders). Drawing on a wide range of sources, including cooperative reports, statistical summaries, and materials from scientific expeditions, the analysis highlights the conflict between bureaucratic, top-down structures and organic, indigenous forms of cooperation that proved their effectiveness. It demonstrates how the state fiscal interests – implemented through exploitative credit policies, systemic personnel shortages, and unfair pricing – led to the destabilisation of the traditional way of life, growing debt dependency, and the marginalisation of the indigenous population. The methodological foundation combines comparative-historical, retrospective, and systemic approaches, supplemented by ethnological and economic-historical analysis. The study shows that, despite declared goals of socio-economic and cultural advancement, actual policies in Tofalaria reproduced a classical colonial model, turning the region into a resource appendage and laying the groundwork for a profound systemic crisis within the Tofalar ethnic group – a crisis whose consequences played a significant role throughout the twentieth century.

Keywords: national policy of the USSR; indigenous peoples of the North; Siberia and the Far East; small peoples of the USSR; economic integration model; the Tofalars.

Введение. С 1965 г. в составе Нижнеудинского района Иркутской области находится горно-таёжная территория – Тофалария, представляющая собой природно-этнографический комплекс, который метафорически характеризуется как «музей под открытым небом». Эта часть района, исторически известная как Карагасия, является исконным ареалом проживания тофаларов – коренного малочисленного народа, чья культура и хозяйственная деятельность традиционно были связаны с охотой на пушного зверя [1]. Важным элементом культурного наследия является утверждение, что именно здесь, на рубеже I тысячелетия н. э., произошло первое одомашнивание оленя [2], [3]. В силу своей труднодоступности, отсутствием транспортной инфраструктуры и крайне низкой плотности населения, данный анклав сохраняет высокую степень природной и культурной аутентичности в границах Нижнеудинского района.

Исторические данные свидетельствуют, что к моменту прихода русских казаков в долину реки Уды в середине XVII века, местное население, известное под тотемическим названием карагасы («чёрные гуси»), вело кочевой и полукочевой образ жизни, основанный на охоте и оленеводстве. Находясь до этого в зависимости от западно-бурятских князцов, с 1648 года карагасы попали под контроль Российского государства, обязавшись выплачивать ясак пушниной. Занимаемая ими обширная территория Присянья и Восточного Саяна, простиравшаяся от бассейнов рек Уды, Кана и Бирюсы, позволяла свободно мигрировать и сохранять нейтралитет в межплеменных отношениях, избегая давления более сильных соседей [3].

Со второй половины XIX века начинается активное изучение карагасов, однако параллельно с научным интересом происходит масштабное хозяйственное освоение их земель. Вторжение заимщиков, купцов и золотопромышленников с царскими грамотами и браконьеров привело к нарушению родовых границ охотничьих угодий и вытеснению коренного населения в глубь Саян, к хребтам Джуглымскому и Удинскому. Кардинальные изменения произошли после 1930-х гг. в рамках политики советской власти: карагасы были переименованы в тофаларов, а их территория (Карагасия) – в Тофаларию. Это ознаменовало новый этап, в ходе которого прежние формы хозяйства и самобытная культура подверглись целенаправленной трансформации со стороны государства [4].

Коренной перелом в исторической судьбе карагасов, сохранявших на протяжении столетий устойчивые формы кочевого хозяйства и культурной самобытности, наступил с 1930-х гг., когда советская власть инициировала планомерное включение этого малого народа в общегосударственные экономические и административные процессы. Одним из символических актов этой политики стала официальная смена этнонима: историческое название «карагасы», воспринятое новой идеологией как «обидное» и «звериное», было заменено на самоназвание «тофалары» (от тофа – «человек»), а исконная территория их проживания – Карагасия – получила название Тофалария [1]. Однако за этим актом лежали глубокие структурные изменения: переход от кочевого образа жизни к оседлости в трёх специаль-

но созданных посёлках – Алыгджере, Нерхе и Верхней Гутаре, изолированных от внешнего мира (доступных лишь вертолётом и связываемых рацией), что подорвало основу традиционного уклада, связанного с сезонными миграциями и таёжным промыслом [4].

История научного изучения тофаларов (карагасов) берёт свое начало в конце XVIII века с кратких описаний путешественников и естествоиспытателей, таких как С. Паллас (1788) и И. Георги (1799). Однако систематические исследования развернулись лишь в середине XIX столетия, чему положил начало труд финского лингвиста М.А. Кастрена, который в 1849 году посетил карагасов и составил «Опыт грамматики койбальского и карагасского диалектов», заложив основы тюркологии. Вслед за ним значительный вклад внесли В.В. Радлов (1863), Н.Ф. Катанов (1880) и Д.А. Клеменец (1888), чьи работы, выполненные по заданию Императорского Русского географического общества, зафиксировали особенности быта и хозяйства народа. На рубеже XIX–XX веков усилиями исследователей, включая В.Н. Васильева (1908) и Н.В. Овчинникова (1914), чьи материалы обработал К.М. Миротворцев, был накоплен первый корпус этнографических и статистических данных, а в музеи начали поступать вещественные коллекции, собранные И.А. Евсениным и другими энтузиастами. Важной ветой стал проект заповедника, разработанный Д.К. Соловьёвым по итогам Саянской экспедиции 1914–1916 гг., однако его реализации помешали революционные события.

С установлением советской власти характер исследований изменился: они приобрели прикладной и плановый характер в рамках политики «советизации» окраин. Ключевую роль сыграли экспедиции этнографа Б.Э. Петри (1925), впервые применившего методику сплошного экономического обследования хозяйств, и С.В. Керцелли (1927), занимавшегося устройством охотничьего хозяйства. С середины XX века изыскания стали многодисциплинарными: антропологические работы М.Г. Левина (1952), лингвистические изыскания П. Дыренковой (1963) и фундаментальные исследования В.И. Рассадина, выявившего уникальные пласты лексики, В.М. Неделева, а также генетические изыскания под руководством Ю.Г. Рычкова (1965, 1969). Этнографическое направление было продолжено в трудах С.И. Вайнштейна (1966), изучавшего родовую структуру, Е.Д. Прокофьевой (1971), описавшей шаманские костюмы, и Р.А. Шерхунаева, собравшего фольклор и составившего первый библиографический справочник (1978). В конце XX – начале XXI века интеграцию и обобщение накопленных знаний осуществили работы Л.В. Мельниковой (1994) и практические шаги по музеефикации культурного наследия, увенчавшиеся созданием «тофаларской зоны» в Музее деревянного зодчества под г. Иркутском в 2004 г.

Цель исследования. На основе комплексного анализа исторического материала, посвящённого Тофаларии в 1920-е годы, выявить и охарактеризовать ключевые элементы модели управления, применяемой государственными органами СССР в отношении компактно проживающего малочисленного этноса на специфической горно-таёжной территории.

Методология. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Ключевыми являются сравнительно-исторический метод для сопоставления эффективности различных моделей кооперации, ретроспективный метод для выявления долгосрочных последствий управленческих решений 1920-х гг., а также историко-генетический метод для прослеживания причинно-следственных связей в трансформации традиционного уклада тофаларов. Системный подход позволяет рассматривать Тофаларию как сложную социально-экологическую систему и анализировать структуру и функции управляющих институтов. Критический анализ источников и историко-типологический метод обеспечивают достоверность оценки мер государственной политики. Исследование также использует междисциплинарные подходы – этнологический для анализа культурных последствий и экономико-исторический для оценки финансовых механизмов управления. Основопологающим принципом является историзм, требующий рассмотрения всех явлений в их развитии и конкретно-исторической обусловленности.

Основная часть. Период 1920-х гг. ознаменовался для карагасов (тофаларов) комплексом противоречивых преобразований. С одной стороны, новые власти инициировали позитивные изменения: была развита кооперативная сеть, открыты фактории для снабжения, народ освобождён от всех налогов и повинностей, а также изгнаны эксплуататорские элементы («карагасники»). Произошла секуляризация общественной жизни – со суглана был удалён священник, а женщины получили избирательные права. Впервые было проведено полномасштабное медицинское обследование населения, а в 1925 г. был образован Тофаларский Национальный Сельский Совет, формально закрепивший местное самоуправление. Однако именно в этот период были заложены основы для кардинальной ломки традиционного уклада, прежде всего через планы по переводу кочевого народа к оседлости, что впоследствии определило всю дальнейшую судьбу этноса [5].

Итоги советского эксперимента оказались катастрофическими для тофаларского народа. Сформировалась уродливая социально-экономическая модель, при которой оседлое население было вынуждено заниматься кочевыми формами хозяйства (охота, оленеводство) в рамках государственного предприятия (коопзверопромхоза), став, по сути, низкооплачиваемыми наемными работниками на собственной земле [6]. Это привело к утрате навыков традиционного природопользования, практическому исчезновению оленеводства, деградации ремесел и материальной культуры (одежды, утвари). Многовековая культура и язык оказались на грани полного забвения, а сам народ – в состоянии демографического и социального кризиса.

Таким образом, политика советского государства в Тофаларии, несмотря на отдельные позитивные начинания в сфере здравоохранения и формального самоуправления, в своей совокупности привела к формированию классической колониальной модели. Территория была превращена в сырьевой придаток, специализирующийся на поставках пушнины, а коренное население – в маргинализированную низкоквалифици-

рованную рабочую силу, лишённую экономической самостоятельности, культурной автономии и перспектив для устойчивого развития. Результатом стал глубокий системный кризис этноса, последствия которого ощущаются и в настоящее время.

Основными мероприятиями по вовлечению тофаларов в экономические отношения стали кооперация и государственные торговые организации. Рассмотрим данные процессы отдельно.

Первый этап кооперирования в 1917–1921 гг. ознаменовался активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь карагасов через структуры Губсоюза, которые, используя административные меры по устранению частных торговцев, установили почти монопольную торговлю пушниной. Создание факторий в Алыгджере и Сасырке формально преследовало цель снабжения населения товарами, однако по своей сути это была типичная колониальная модель эксплуатации, ориентированная на изъятие ценного сырья [7]. Резкая ликвидация факторий в 1921 г. по причине их «убыточности» продемонстрировала, что интересы централизованной кооперации были приоритетнее нужд коренного населения, которое оказалось в критическом положении, лишившись единственного канала товарообмена.

1921–1924 гг. характеризуются стихийным формированием альтернативных кооперативных моделей, выявивших их принципиально разную эффективность. С одной стороны, благодаря личной инициативе и самоотверженности энтузиастов вроде Петра Мочульского возникло «Карагасское Общество Потребителей» – подлинно туземная кооперация, которая, несмотря на мизерный начальный капитал, работала в интересах общины, внедряла адаптированные к кочевому быту системы учёта (талонная система) и стремилась просвещать карагасов [7]. С другой стороны, отделения крупных потребобществ (Нижнеудинского и Канского), навязанные карагасам сверху, оказались неэффективными и откровенно убыточными. Их работа была бюрократизирована, велась бесхозяйственно и сопровождалась накоплением безнадёжных долгов, что ярко иллюстрирует системную проблему: внешние, даже хорошо финансируемые структуры, не понимавшие местной специфики, были неспособны на устойчивую и полезную для народа деятельность.

К середине 1920-х гг. выявлено итоговое неравенство условий между разными кооперативными моделями. Несмотря на явные преимущества «Карагасского Общества Потребителей» – лояльность населения, лучшее качество и более низкие цены товаров, попытки вовлечения карагасов в управление – его развитие было искусственно ограничено [8]. Кооператив был ослаблен необходимостью кредитовать беднейшие слои и нести непосильное финансовое бремя по строительству культбаз, в то время как государственные и крупные кооперативные структуры рассматривали работу с карагасами как обузу [9]. Парадоксально, но наиболее успешная, автохтонная форма кооперации оказалась на грани выживания, в то время как неэффективные, но административно сильные внешние организации продолжали существовать.

История раннего кооперирования карагасов наглядно демонстрирует фундаментальный конфликт между двумя подходами: сверхусиленной, бюрократической моделью, которая была экономически неэффективна и социально отчуждена, и снизу – органичной, адаптивной моделью, доказавшей свою жизнеспособность и пользу для общины [10]. Однако в условиях становления советской системы именно первая, административно-командная модель, несмотря на свою убыточность и непрактичность, получала институциональную поддержку. Это предопределило дальнейший путь интеграции коренных народов в государственную экономику не как равноправных субъектов, а как объектов директивного управления, что закладывало основы для их последующей социально-экономической маргинализации.

Анализ деятельности кооперативных структур в Тофаларии в 1920-х гг. выявляет две фундаментальные проблемы, подрывавшие их эффективность и доверие со стороны карагасского населения. Первой являлась катастрофическая долговая нагрузка, возникшая из-за отсутствия скоординированной кредитной политики между тремя потребительскими обществами. В результате карагасы были вынуждены брать товары в долг одновременно у нескольких кооперативов, что к 1925 г. привело к формированию общего долга в 18 000 руб., или в среднем 250–300 руб. на хозяйство, что составляло около половины их годового дохода [11]. Эта ситуация усугублялась задолженностью частным лицам, ставя многие семьи на грань экономической зависимости и подрывая саму идею кооперации как инструмента улучшения благосостояния.

Второй, не менее острой, проблемой был системный кадровый и управленческий кризис в кооперативах, особенно в филиалах крупных объединений, таких как Нижнеудинское и Канское общества потребителей [12]. Подбор сотрудников был часто неудачным: они либо уличались в прямых злоупотреблениях (продажа товаров по завышенным ценам, торговля самогоном), либо не могли выстроить доверительные отношения с местным населением из-за культурного барьера. Частая смена кадров препятствовала налаживанию прочных связей, а тофалары, в силу абстрактности для них кооперативной идеи, отождествляли кооператив с личностью его управляющего. Проблемы усугублялись откровенно эксплуатационной практикой: заниженные расценки на пушнину, спекулятивные наценки на товары, хронические нехватки необходимых продуктов – муки, соли и чая, что вынуждало население обращаться к частным скупщикам.

Таким образом, за исключением локального успеха «Карагасского Общества Потребителей», деятельность большинства кооперативных структур в Тофаларии в этот период носила деструктивный характер. Вместо декларируемой цели экономического и культурного подъёма, она привела к росту долговой зависимости, усилению социального расслоения и утрате доверия к институтам власти в целом. Кооперативы, управляемые извне, фактически воспроизводили и даже усугубляли колониальную модель взаимоотношений, характеризуясь финансовой неэффективностью, кадровой не-

компетентностью и зачастую откровенно хищническим поведением по отношению к коренному населению.

Деятельность государственных торговых организаций (Губторг, Сибторг и др.) в Карагасии, вопреки благим замыслам, привела к системной дестабилизации традиционного уклада тофаларов. В погоне за максимальным объёмом ценной пушнины агенты госторгов практиковали бессистемное и безлимитное кредитование населения [11]. Это не только наносило финансовый ущерб самим торгующим организациям, но и развращало местных жителей, приучая их строить хозяйственные расчёты не на реальных доходах, а на бесконечной и неконтролируемой задолженности. Подобная практика создавала порочный круг долгов, подрывая зачатки финансовой самостоятельности карагасов и кардинально отличалась от политики местной кооперации, которая стремилась воспитать ответственность, приучая пайщиков мыслить категориями «когда и чем уплатишь».

Ассортиментная политика госторгов была оторвана от реальных потребностей коренного населения. Стремясь минимизировать транспортные издержки, агенты завозили не товары первой необходимости (тяжеловозы), а предметы роскоши и продукцию с высокой наценкой. Это не только не решало проблем снабжения, но и перекладывало всю тяжесть доставки жизненно важных ресурсов на плечи кооперации [11]. Более того, госторги вели нечестную конкурентную борьбу, действуя рука об руку с частными скупщиками. Они перехватывали лучшую пушнину, а затем покидали район, оставляя карагасов с ослабленной платежеспособностью, что в конечном итоге подрывало материальную базу и «идейную работу» туземной кооперации.

Критическим недостатком системы госторгов был их кадровый состав. Агентами набирались в основном бывшие частные торговцы-«карагасники», чьи интересы часто расходились с государственными. Обладая официальными мандатами и находясь в условиях полного отсутствия контроля, эти лица вели себя как временщики, стремясь максимизировать личную выгоду за один сезон. Они занижали закупочные цены на пушнину, нарушали лимиты, занимались частными махинациями (например, перепродажей оленей) и злостной антикооперативной агитацией [12]. Финансовая неграмотность и доверчивость карагасов делали их лёгкой добычей для таких агентов, которые, по сути, бесконтрольно «производили коммерческие расчёты с неграмотным взрослым ребенком».

Операции госторгов были финансово несправедливы по своей сути. Занижение цен на пушнину, невыплата положенных бонусов и фиктивные долги, которые оставались за населением после ликвидации сезонных отделений, систематически обирали карагасов [13]. Единственное формальное преимущество – расчёт наличными – на деле оборачивалось большим злом: не приученные к обращению с деньгами, охотники быстро пропивали вырученные средства и вскоре снова были вынуждены обращаться за кредитом. Наиболее вопиющие случаи, такие как прямая покупка пушнины на спирт лавкой Ирпромторга, вели к спаиванию населения и его социальной деградации [11].

Анализ деятельности госторгов в районах проживания тофаларов в 1920-е годы показывает, что, несмотря на формальную принадлежность к государственной системе, они на практике выступали не как инструмент планомерного развития и интеграции малых народов, а как типичные агенты колониально-сырьевой экономики. Их ключевыми задачами были бесконтрольное изъятие пушнины и извлечение максимальной прибыли, а не комплексное снабжение, финансовое просвещение и хозяйственное укрепление коренного населения. В этом качестве госторги не только не выполняли позитивных функций национальной политики, но и активно противодействовали им, подрывая работу подлинно туземной кооперации, которая пыталась привить тофаларам навыки самостоятельного хозяйствования. Таким образом, их деятельность объективно тормозила реализацию декларируемых государством целей по преодолению исторической отсталости и являлась деструктивным элементом в сложной системе взаимодействия с малыми народами.

Таким образом политика советского государства в отношении тофаларов представляла собой противоречивое сочетание модернизационных устремлений

и колониально-сырьевой практики. С одной стороны, она декларировала цели интеграции малого народа в общегосударственную жизнь через создание формальных институтов самоуправления, развитие кооперации, здравоохранения и ликвидацию неграмотности. С другой стороны, реальными инструментами этой политики стали насильственная коллективизация, принудительный перевод к оседлости, разрушивший традиционную экономику кочевого оленеводства и охоты, а также систематическая русификация, приведшая к утрате языковой и культурной идентичности.

Итогом стало формирование социально-экономической модели, при которой тофаларские земли превратились в сырьевой придаток, а её коренное население – в маргинализированную низкооплачиваемую рабочую силу, лишённую экономической самостоятельности и культурной автономии. Несмотря на отдельные достижения в социалистическом строительстве политика плановой экономики, игнорировавшая географическую и культурную специфику региона, привела к глубокому системному кризису тофаларского этноса, последствия которого ощущались весь XX в.

Литература

1. Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М.В. Рагулина. – Новосибирск : Гео, 2000. – 94 с.
2. Рассадин В.И. Тофы : историко-этнографический очерк / В.И. Рассадин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 2005. – 304 с.
3. Шерашова К.М. Тофалары: историко-этнографический очерк // Сибирский этнографический сборник. – М.; Иркутск : ОГИЗ, 1930. – Вып. 3. – С. 5–48.
4. Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 208 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-385. Оп. 1. Д. 12. – Отчёты Тофаларского Национального Сельского Совета за 1925–1927 гг.
6. Кудашкин В.А., Система коллективных хозяйств у коренных малочисленных народов Иркутской области в 1930–1960 гг. (на примере тофаларов) / в сборнике: Иркутский историко-экономический ежегодник. Сборник статей. Иркутск, 2022. С. 168–173.
7. ГАИО. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 78. – Документы Нижнеудинского союза кооперативов о торговле в Тофаларии (1922–1926 гг.).
8. Керцелли С.В. Отчёт по обследованию охотничьего хозяйства карагасов // Известия Иркутского отдела Русского географического общества. – 1928. – Т. 50. – С. 45–89.
9. Дьяченко В.И. Национально-государственное строительство у малых народов Севера (1917–1936 гг.). – Л. : Наука, 1975. – 288 с.
10. Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 208 с.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-385. Оп. 1. Д. 11. – Отчёты Тофаларского Национального Сельского Совета за 1925–1926 гг.
12. Недорезов В.И. Становление и развитие потребительской кооперации в Восточной Сибири (1920–1930-е гг.). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. – 275 с.
13. Кудашкин В.А. Трансформации традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Иркутской области и Красноярского края 1920–2000-е гг. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 1. С. 89–98.

References

1. Ragulina, M.V. Indigenous Ethnic Groups of the Siberian Taiga: Motivation and Structure of Nature Management (Based on the Tofalars and Evenks of the Irkutsk Region) / M.V. Ragulina. Novosibirsk: Geo, 2000. 94 p.
2. Rassadin, V.I. Tofs: A Historical and Ethnographic Essay / V.I. Rassadin. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 2005. 304 p.
3. Sherashova K.M. Tofalars: a historical and ethnographic essay // Siberian ethnographic collection. – Moscow; Irkutsk: OGIZ, 1930. – Issue 3. – Pp. 5–48.
4. Melnikova L.V. Tofas: a historical and ethnographic essay. – Irkutsk: East Siberian book publishing house, 1994. – 208 p.
5. State Archives of Irkutsk Region (GAIO). F. R-385. Op. 1. D. 12. – Reports of the Tofalar National Village Council for 1925–1927.
6. Kudashkin V.A., The Collective Farm System of the Indigenous Minorities of the Irkutsk Region in the 1930s–1960s (using the Tofalars as an Example) / in: Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Collection of Articles. Irkutsk, 2022. Pp. 168–173.
7. GAIO. F. R-401. Op. 1. D. 78. – Documents of the Nizhneudinsk Union of Cooperatives on Trade in Tofalaria (1922–1926).
8. Kertselli S.V. Report on the survey of the hunting economy of the Karagas // Bulletin of the Irkutsk Department of the Russian Geographical Society. – 1928. – Vol. 50. – Pp. 45–9.
9. Dyachenko V.I. National-state construction among the small peoples of the North (1917–1936). – L. : Nauka, 1975. – 288 p.
10. Melnikova L.V. Tofs: a historical and ethnographic essay. – Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1994. – 208 p.
11. State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). F. R-385. Op. 1. D. 11. – Reports of the Tofalar National Village Council for 1925–1926.
12. Nedorezov V.I. Formation and development of consumer cooperation in Eastern Siberia (1920–1930s). – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2011. – 275 p.
13. Kudashkin V.A. Transformations of traditional nature management of indigenous peoples of the North of the Irkutsk region and Krasnoyarsk territory in the 1920s–2000s // Transactions of Bratsk State University. Series: Humanities and social sciences. 2022. Vol. 1. P. 89–98.